

*К. В. Преображенская, И. Е. Осокин**

МОДЕЛИ И ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена исследованию типологии отношений государства и христианской церкви. Детальное внимание уделено эволюции моделей государственно-церковного взаимодействия, в частности рассмотрены особенности моделей «симфония властей» и «цезарепапизм». Также обращено внимание на такую форму взаимоотношений государства и церкви в христианстве, как папоцезаризм. Особый акцент сделан на трансформациях модели отношений государства и христианской церкви в Российской империи, а также ее трансформациях в советский период и на современном этапе. Кроме того, проведен отдельный анализ таких актуальных моделей, как партнерская, кооперационная, солидарная. Результаты исследования позволили прийти к выводу, что модель государственно-церковных отношений в христианстве каждой отдельной страны определяется не только законодательством, но и историческим опытом народа, спецификой становления его государственности.

Ключевые слова: христианство, церковь, модель, государство, «симфония властей», «цезарепапизм», партнерство.

K. V. Preobrazhenskaya, I. E. Osokin

MODELS AND TYPOLOGY OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE CHRISTIAN CHURCH IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONS AND CHALLENGES

The article is devoted to the study of the typology of relations between the state and the Orthodox church. Detailed attention is paid to the evolution of models of state-church interaction, in particular, the features of the «symphony of power» model and the

* Преображенская Кира Владиславовна, кандидат философских наук, доцент, начальник управления научных исследований и социальных проектов, Русская христианская гуманитарная академия; kira459@list.ru;

Осокин Илья Евгениевич, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; ier-ilya@yandex.ru

«caesarepapism» model are considered. Attention is also paid to such a form of relations between the state and the church in Christianity, as papocaesarism. Particular emphasis is placed on transformations of the model of relations between the state and the Orthodox church in the Russian Empire, as well as its transformations over time in the Soviet period and at the present stage. In addition, a separate analysis of such relevant models as partnership, cooperation, and solidarity was carried out. The results of the study led to the conclusion that the model of state-church relations in Christianity of each individual country is determined not only by legislation, but also by the historical experience of the people, the specifics of the formation of its statehood and the development of the nation.

Keywords: Orthodox, church, model, state, «symphony of authorities», «caesarepapism», partnership.

Современность с ее спецификой размывания институциональных, государственных, ценностных границ с одной стороны, а с другой — с несомненным усилением влияния духовных, религиозных, квазиидеологических факторов, ставит национальные государства и христианскую церковь как институции перед непростым выбором. Тяготение к инерционным, традиционалистским схемам, несомненно, способно создать временную и локальную устойчивость как в функционировании церкви и государства, так и в формах их взаимодействия. Между тем, по мере расширения влияния информационной среды на восприятие широких общественных сил становится все более очевидным, что соблюдение статус-кво в ближайшей временной перспективе станет невозможным и потребуются переосмысление веками устоявшихся моделей и практик, смена парадигм мировоззренческого «объяснения» смысла и направлений взаимодействия церкви и государства.

Христианская церковь и государство в течение всего периода своего сосуществования находились и продолжают находиться в состоянии диалектического взаимодействия. Очевидно, что эти институты отличаются по происхождению, целями, структуре, но в то же время они тесно связаны между собой [6, с. 145]. Каждый из них имеет свою особую социальную ценность и значимость, обусловленную не только ролью в социальном устройстве, но и фундаментальным значением в социальном восприятии и мироощущении.

Эволюция средневековой христианской философской мысли сформулировала концепции «двух мечей» и «симфонии властей», в которых были заложены идеи равноценных властей — светской и церковной. Эти концептуальные основы значительно повлияли на развитие последующих парадигм, в соответствии с которыми складывались отношения между государством и церковью на основе идеи разделения сфер компетенций в духовной и светской практике. Политико-философские концепции эпохи Реформации, эпохи Просвещения, а также политическая практика эпохи буржуазных революций конца XVIII в. создали идейное основание для формирования большинства современных моделей государственно-церковных отношений, которые в общих чертах отражают реалии взаимодействия этих двух общественных институтов в современности и в исторической ретроспективе [8, с. 268].

Возвращение православия сначала в публичное пространство, а затем и в политическое, стимулировало бурные трансформации внутри уже сложившихся моделей отношений. Исчезновение идеологического контроля со стороны

государственной власти создало благоприятные условия для формирования новой фундаменталистской идеологии. В течение последнего десятилетия XX в. и первого десятилетия XXI в. этот тип религиозного мировоззрения не только распространился в границах внутреннего дискурса православия, но и активно способствует трансформации самой традиции и существенно влияет на жизнь христианской церкви.

При этом следует отметить, что в современном информационном обществе принципиально меняются представления о соотношении духовного и материального, религиозного и светского. Вполне очевидным и бесспорным является тот факт, что церковь не вмешивается во внутренние дела государства, а последнее, в свою очередь, не вмешивается во внутреннюю церковную жизнь. Вместе с тем не только не исключается, но и предполагается духовно-нравственное влияние церкви и ценностей, защищаемых ею, на государственную власть и общество в целом. Действуя согласованно, государство и церковь могут решить многие актуальные для общества проблемы, в частности содействовать социальному примирению, согласию, взаимопониманию [13, с. 647]. Между тем следует отметить и то, что само общество, тяготея к новой «постмодернистской» парадигме интерпретации свободы личности как отрицания четко определенных норм и ценностей, намечает линии «вытеснения» и государства, и церкви из аксиологического поля. Это остается верным и в отношении существенной части верующих, которые готовы переосмыслить традиционные ценности религии и культуры как своего рода «относительные» ориентиры.

Очевидно, что перманентные трансформации общества, смена парадигмы развития ключевых государственных институтов актуализируют вопросы типологизации и поиска нового формата отношений государства и христианской церкви в контексте международных связей, глобализационных вызовов, развития интегрированного пространства. Это обуславливает необходимость признания соответствующего статуса церкви в государстве на основе равноправия, принимая во внимание в прошлом неудачный и бесперспективный опыт ее восприятия как второстепенного или, скорее, вспомогательного и совещательного элемента в процессах становления государства.

Теоретические аспекты взаимодействия церкви и государства (здесь можно выстраивать целый исторический ряд от самых истоков становления христианства) в зависимости от исторического контекста и идеологических установок авторов показывают самые широкие спектры обоснования социального статуса этих институций и их влияния на общественные процессы, обуславливая, в свою очередь, разнонаправленные логики возможных интерпретаций.

Так, идея о том, что религиозное есть отражение антропологического, в свое время находила развернутые толкования в западной мысли (Л. Фейербах, французское Просвещение); обратный тезис — о том, что религиозный фундамент мировоззрения формирует национальный характер и, соответственно, социальную и государственную реальность, еще до известного труда Макса Вебера, был высказан в российской публицистической и научной традиции (П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. Н. Леонтьев).

Что касается современного дискурса, то, несмотря на значительное количество работ и весомые научные достижения по исследуемой проблематике,

необходимо отметить, что исследователи в большей степени либо обращают внимание на отношения христианской церкви и государства в отдельных странах, либо сосредотачиваются на анализе конкретных моделей, не формируя при этом обобщенной картины существующих государственно-церковных отношений. Также имеется потребность в работах, в которых освещались бы основы формирования партнерской модели государственно-церковных отношений, особенно в контексте современной ситуации.

Церковно-государственные отношения являются многомерными, со сложной внутренней структурой и настройками, а потому они весьма непросты для восприятия и исследования. Именно поэтому их анализ требует обоснованного и рационального выбора методологического инструментария познания. Сочетание государственно-правовых и теологических аспектов, использование методов философско-мировоззренческого уровня, в т. ч. традиционной для отечественной науки материалистической диалектики, обогащенной синергетическим подходом как научной концепцией, призванной объяснить возникновение согласованного, кооперативного поведения в сложных самоорганизующихся нелинейных системах с разной природой, — на наш взгляд, подобный синтетизм должен рассматриваться не только как возможный, но и как должный инструментарий в подходах к обозначенной проблематике.

Христианская религия, репрезентатором которой является церковь, существует в неразрывной культурной связи с государством. И церковь, и государство, и культура в широком смысле находятся в постоянном движении, трансформируясь в единое измерение государственно-церковных отношений. Между тем, с точки зрения христианской догматики, религиозная составляющая четко отделена от государственной: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И удивляйтесь Ему» (Мк. 12: 13–17; Мф. 22: 15–21). Эта евангельская максима становится неисчерпаемым источником конфликтов, потому что не всегда интересы церкви совпадают с государственными, на что обращал внимание еще Аврелий Августин [12, с. 170]. И если на Востоке мощное государство в состоянии подчинить церковь собственным интересам и за счет этого укрепиться и стабилизироваться, то на Западе, наоборот, сила церкви, ее самостоятельность выходят за пределы, обеспечивающие государственную стабильность.

Расхождение интересов церкви и государства в процессе эволюции отразилось и на развитии моделей церковно-государственных отношений. На Востоке Римской империи казалось бесспорным, что церковно-государственные отношения должны выстраиваться на принципах сотрудничества, взаимной поддержки и ответственности без вмешательства в компетенции друг друга. Такая модель получила название «симфония властей», она сформировалась на основании представлений об идеальной форме отношений церкви и государства, где последняя признавала православную церковь высшей народной святыней [8, с. 263–281].

В рамках такой модели государство, благодаря применению внешних средств социального управления, берет на себя обязательство соблюдать в политике принципы христианской морали, беречь ценности православного культа и вероучения, способствовать развитию и распространению православной веры, защищать монастыри, храмы и принадлежащую религиозным общинам

собственность, а также обеспечивать реализацию и санкционирование норм церковного права.

В свою очередь церковь признает государство не только как явление, существующее отдельно от нее, но и как необходимую форму существования общества. Церковь принимает государство в качестве необходимого «буфера» для защиты населения от внешних врагов и для поддержания внутреннего порядка в обществе. Признавая за государством принадлежащее ему право законодательной власти и контроля за соблюдением законов, церковь предписывает христианам воздавать гражданской власти все необходимое, что входит в круг социального и нормативного поля.

Однако даже в условиях идеализации модели симфонии следует признать, что практика ее реализации была далека от идеала и осуществлялась со значительными нарушениями и искажениями, что дает основания говорить о существовании модели «цезарепапизма» в христианстве.

Ярким примером существования модели цезарепапизма в отношении христианской церкви и государства являются западные части Римской империи, где государство, повинувшись линиям исторической диалектики, присваивало себе власть и многие функции церкви [7, с. 163]. В современном мире данная модель в более явной форме обнаруживается в протестантских странах (Великобритании, Швеции, Дании), где существует одна или более государственных церквей.

В Российской империи также имела место модель цезарепапизма, особенно это было характерным для императорской России в XVIII — начале XX вв. Эта модель подразумевала активное вмешательство российского государства в хозяйственную и имущественную деятельность церкви, территориальное увеличение юрисдикции Русской Православной церкви. В частности, к началу XX в. на подконтрольных империи территориях, распространялась только юрисдикция последней. В качестве главы православной церкви выступал император, а церковь выполняла роль одного из институтов государственной системы.

Также следует обратить внимание на такую форму взаимоотношений государства и церкви в христианстве, как папоцезаризм. Она предполагает подчинение государства религиозным учреждениям. В этом типе отношений самостоятельная государственная власть практически отсутствует. Данная модель характерна для католических стран, в которых папа как римский первосвященник имеет не только церковную, но и государственную власть.

Наряду с моделью папоцезаризма следует выделить и протекционистскую модель, суть которой заключается в том, что она обеспечивает определенной конфессии привилегированный статус государственной церкви, которая является политическим институтом поддержки светской власти. Исторически эта модель сложилась в эпоху Реформации и предполагает непосредственное делегирование церковным структурам определенных функций. Примеры протекционистской модели — современная Греция с государственной православной церковью, Англия с англиканской церковью. Государственными церквями в Европе также являются лютеранская церковь в Норвегии, Швеции и Дании, Финляндии и т. п. Статус государственной

церкви, кстати, имела и Русская Православная церковь в XVIII — начале XX в., хотя ее значительное сращение с государственным аппаратом отличает ее от вышеприведенных примеров.

Учитывая несомненную связь между идеологией государства как институцией внутри христианской концепции земной жизни, следовало бы обратить внимание не только на «конфессиональную» специфику государственно-церковных отношений (очевидно, что «папоцезаризм» и «цезарепапизм» на христианском Западе и на христианском Востоке — это разные феномены в силу существенных различий в социальных и антропологических пластах мировоззрения западного и восточного христианства), но и на специфику исторического пути русской государственности в ее преемственности с «византизмом», как его понимал К. Н. Леонтьев.

Здесь можно говорить и о таком развороте интерпретации зоны взаимодействия «церковь-государство», как цивилизационные парадигмы, или «культурные коды». Как показывает развитие современного дискурса о социально-государственной сфере в контексте мировой геополитики, следует различать «национальные государства» и «государства-цивилизации» [9, с. 14–21]. Это различие, установленное для прояснения специфики исторических контактов и причин соперничества в сфере мировой политики, тем не менее дает интересный повод и для оценки «показателей» отношений между церковью и государством. Особенно учитывая специфику внутреннего восприятия России как Третьего Рима и православной веры (русского православия) как единственно верного пути к Истине (см. идеи славянофилов и т. п.)

Национальное государство — стихия, в которой возможно оперирование тактическими задачами, а солидарность и общественное согласие — это факторы, которые в известной степени поддаются конструированию и рациональному управлению. Принципы общественного договора, *secular values* и *cultural identity* описывают пространство государственности как устойчивой системы. Эта условная ограниченность национального государства дает ряд стратегических преимуществ: обозримость пространства, культуры, этнического состава, четкие линии исторического прошлого, определенность ценностных акцентов. В этом смысле специфика «внутренних» отношений национальных государств и государственных церквей, как, например, на протестантском Западе, будет отличаться от тех эффектов, которые неизбежно дает мессианская идея, характерная для русской православной культуры.

Когда мы сталкиваемся со сложной, многоаспектной системой цивилизации, мы отчасти оказываемся на пути «угадывания» ее внутренних механизмов и исторических фундаментов: цивилизация имеет чрезвычайно глубокие корни и пеструю мозаику разнородных фрагментов картины мира. Цивилизационная логика имеет скорее «органический» характер — именно так полагали русские мыслители, стоявшие у истоков теории культурно-исторических типов (Николай Данилевский, Константин Леонтьев). По их мнению, Россия — это цивилизация, особый культурно-исторический тип, тесно связанный с восточной ветвью христианства. Можно согласиться с Ги Меттаном [10] в том, что современную геополитическую ситуацию, как и внутренние социальные конфликты, необходимо рассматривать сквозь призму исторических событий,

предопределивших конфессиональные спектры христианства в европейских странах и на православном Востоке.

Постсоветский период, начало XXI в. задают дополнительные сложности в научной интерпретации модели взаимодействия церкви и государства, связанные со сменой исторических эпох и по существу — слома традиционных моделей государственности. По мнению А. В. Еремина:

для объяснения причин происходящих явлений во сфере церковной деятельности в постсоветский период (в контексте изучения ее историко-культурного дискурса) и ее влияния на общество нам необходимо было исследовать не только масштабный событийный ряд и исторически значимый эмпирический материал, но и выявить, а затем изучить цивилизационные парадигмы и закономерности, которые находятся за рамками прямого эмпирического наблюдения, но определяют специфику историко-культурного развития российского общества [4, с. 4].

Такой подход предполагает не столько следование за «буквой» исторической событийности, сколько учет всего многообразия факторов, определяющих как реальную ситуацию, так и ее глубинные интенции.

Нельзя также обойти и тему постсекулярности. И если говорить о российских реалиях, то необходимо говорить о «русской постсекулярности» [3]. Д. К. Богатырёв и М. И. Шишова отмечают:

Русь практически не восприняла из Византии богатейшую рациональную культуру — как философскую, так и правовую. У нас, как и по большей части в Византии, противостояние светской и духовной властей никогда не перерастало в войну, что было характерно для Запада. Уже в секулярную эпоху в России не было ни Реформации, ни религиозных войн, но оборотной стороной этого стала несформированность культурных предпосылок для разделения властей и реальной многопартийности. Сильная президентская власть, самому институту которой доверяет большинство населения, — естественное порождение византийского архетипа [3, с. 103].

Как отмечают исследователи, отсутствие Реформации как силы, противодействующей государственной секуляризации, дополнительно вносило элементы в сакрализацию фигуры российского государя. Вероятно, эта особенность стала одной из характерных черт российской политической культуры, от архетипа «Петр Великий — антихрист» (в негативной сакрализации) до «сращивания» государства и религии (в т. ч. — в широком «культурном» смысле — религии советской) в специфическом мировоззренческом контексте.

Отдельно следует отметить, что обозначенные модели церковно-государственных отношений («цезарепапизм», «папоцезаризм») — в большей степени клише, которые наполняются исследователями теми смыслами, к которым их подталкивают идеологические основания мировоззрения. Стоит согласиться с Н. А. Бердяевым в том, что

папоцезаризм и цезарепапизм были двумя формами «христианского государства», двумя ложными попытками власти этого мира выдать себя за христианскую... Подлинная теократия есть откровение богочеловечества на земле, откровение Св. Духа в соборном человечестве. В христианской истории, в «историческом

христианстве» времена этого откровения еще не наступили, и человечество соблазнялось, жило в своей коллективной истории по-язычески [2, с. 128–129].

Реформы, которые переживала христианская церковь на рубеже XIX–XX вв., в частности в России, способствуя большему наращиванию контроля власти над обществом, делая еще более подконтрольными своих граждан, привели к образованию массовых форм социального тоталитарного типа, которые, в свою очередь, отразили всю недееспособность такого подхода к человеческой личности и заставили административный аппарат искать новые пути для осуществления государством своей миссии.

Интересным в этом аспекте может быть исследование истории взаимоотношений между Русской Православной церковью и правительством Советского Союза.

Сращивание государства и церкви в России берет свое начало еще со времен существования империи, затем находит яркое отражение на протяжении советского периода, когда церковь была во многом отдана на милость государственных органов. Модель государственно-церковных отношений советского периода российской истории демонстрирует чрезвычайно большую зависимость религиозных организаций от празднично-распорядительных решений государственных органов при всей декларативной обособленности первых [9, с. 570]. Соответственно, в России речь может идти о разных уровнях зависимости, о формах близости к принятию решений в государственном бюрократическом механизме, о многочисленных преференциях, но не о наличии полноценной государственной церкви.

В целом можно выделить пять этапов трансформации отношений православной церкви и государства в советский период:

1) 1917–1925 гг., патриарх Тихон делает все от него зависящее в борьбе за сохранение свободы для церкви;

2) 1925–1943 гг. — поиск митрополитом Сергием *modus vivendi*;

3) 1943 г. — инициатива Сталина по возрождению церковной жизни, обусловленная началом Великой Ответственной войны, продолжавшемуся вплоть до 1959 г.;

4) период правления Хрущева, при котором во всех сферах наблюдалась либерализация, однако это не касалось церкви; характерным во взаимоотношениях церкви и государства было уменьшение ее прав и преследования верующих, доходило даже до применения сфабрикованных уголовных дел;

5) 1964–1988 гг. — возникновение и обуздание диссидентского движения. Именно в этот период, в 1976 г., был основан Христианский комитет защиты прав верующих, в функции которого входило оказывать помощь не только православным, но и неправославным верующим. Комитет тесно сотрудничал с Хельсинкской правозащитной группой миссии.

В настоящее время, по мнению авторов, как теократия, так и цезарепатизм остались в прошлом, и сегодня уже невозможно говорить о существовании таких типов государственно-церковных отношений в христианстве.

Современная российская модель государственно-церковных отношений не предусматривает понимание Русской Православной церкви как «государ-

ственной» церкви, которая существует по модели англиканства в Великобритании, лютеранства в Дании или модели преимущественного покровительства как в Греции.

На сегодняшний день можно наблюдать попытки утвердить гибридную модель взаимодействия руководства Русской Православной церкви с руководством государства при восприятии общества как пассивного объекта двойного воздействия [5, с. 28]. Однако такая модель, по мнению авторов, может работать только при условии фактического полного подчинения церкви как «духовной власти» государству, которое является реальным институтом власти.

На данный момент времени в условиях активизации постсекуляризационных процессов в России христианская церковь и религиозные организации предпочитают позиционировать себя в качестве институтов гражданского общества. В данном контексте представляется, что взаимодействие государства и христианской церкви в России должно осуществляться не как синергия усилий двух институтов власти, а в виде специфической разновидности социального партнерства государства и верующих граждан, государства и религиозных организаций.

С методологической точки зрения в вопросе интерпретации современного типа взаимодействия государства и христианских церквей в разных странах и на разных континентах мира не существует единого, согласованного мнения.

Если более детально проанализировать общественно-политическое развитие современной Европы, то в последнее время христианство пытается восстановить свои позиции. Причин активизации христианских конфессий можно выделить несколько. Во-первых, это постепенное увеличение роли исламского фактора. Проникая в Европу, он всячески пытается занять доминирующую позицию. Пользуясь лояльностью европейского законодательства к религиозным вопросам, все больший авторитет набирают различные мусульманские организации (Европейский исламский совет, Исламская миссия и др.), вокруг которых объединяются сторонники учения Мухаммеда. И хотя в настоящее время они не несут реальной угрозы дестабилизации общественного спокойствия на континенте, с каждым годом их роль будет только усиливаться. Прогнозируют, что мусульмане будут составлять от 10 до 15% населения Западной Европы в 2025 г. и от 20 до 25% — в 2050 г.

Следующая причина достаточно специфична и касается социальной составляющей развития европейского общества. Сегодняшний высокий уровень жизни, социальная защищенность и финансовая стабильность негативно влияют на религиозность населения постепенно заменяя духовные ценности материальными. Сюда же можно отнести и активное развитие науки. Опыты, связанные с клонированием, эксперименты в Европейском центре ядерных исследований и др. ставят под сомнение божественное происхождение человека и Вселенной. Еще одной причиной активизации христианства и развития различных моделей его взаимоотношения с государством можно выделить распространение неорелигиозных и нетрадиционных религиозных движений и учений.

Главный их бум пришелся на 90-е гг. прошлого века, когда можно было наблюдать разрушение устоявшихся общественных стереотипов. Распад СССР

и прекращение холодной войны повлекли за собой снятие «железного занавеса» и переориентацию социалистического развития стран Центрально-Восточной Европы на демократический вектор. А это, в свою очередь, позволило населению после более чем 40 лет «религиозного вакуума» почувствовать духовную свободу. Кроме того, современные глобализационные процессы, которые дают возможность свободно знакомиться с культурой и традициями других народов, привели к появлению в Европе нетрадиционных для нее культур и ритуалов евразийского, индуистского и африканского образцов. И хотя пик деятельности неорелигий и нетрадиционных религиозных движений уже прошел, а численность их приверженцев не превышает 1% от общего количества жителей Старого света, все же они занимают свое место в социальной структуре европейского общества и на их позицию также следует обращать внимание светской власти.

Указанные выше факты свидетельствуют, что в начале XXI в. модель отношений государства с христианской церковью столкнулась с реальными трудностями, которые могут привести к потере авторитета последней в Европе. Собственно, из-за осознания приведенных угроз происходит переосмысление основ деятельности христианских конфессий, которое направлено на восстановление значимости в обществе этой духовно-религиозной институции.

Основываясь на результатах исследования, можно отметить, что на сегодняшний день развитие получила партнерская (кооперационная, солидарная) модель, которая понимается как сотрудничество государства и церкви в виде общественных институтов в интересах всего общества, основываясь на системе конкордатов [1, с. 46]. В странах ЕС система конкордатов распространилась по инициативе папы Римского и сегодня является действенной в Польше, Австрии, Венгрии, Литве, Словакии, Италии, Португалии.

Вместе с тем партнерская модель не может сводиться только к системе конкордатов и договоров, как и основываться исключительно на особенностях национального законодательства.

Кроме того, внедрение партнерской модели взаимоотношений государства и христианских церквей на постсоветском пространстве, в т. ч. и в России, происходит в условиях неясности относительно нормативной классификации этих моделей и идейного оптимизма, касающегося перехода к систематическому партнерству государства и церкви, государства и общества.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Эволюция политико-философской мысли о природе и рамках отношений между государством и христианской церковью сыграла важную роль в формировании исторических и современных типов моделей государственно-церковных отношений, свойственных определенной стране в определенный исторический период.

От начала развития православия и до начала XX в., а в некоторых странах и позднее, распространенными были конфронтационная, теократическая модель, модель цезарепапизма.

Для настоящего времени преимущественно характерны сепарационная и партнерская модели. При этом, по мнению авторов, не подлежит сомнению тот факт, что модель государственно-церковных отношений определяется

не столько внутренним или международным законодательством, поскольку оно сегодня отличается высоким уровнем унификации, а поэтому требует отделения церкви и государства, а прежде всего историческим опытом народа и спецификой становления его государственности, особенно в случаях, когда религия трансформируется в национальный символ и имеет высокий уровень доверия общества, что приводит к тому, что государство вынуждено выстраивать с религиозными организациями партнерские отношения через систему дополнительных договоров о сотрудничестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алонцева Д. В. Церковь и государство: современные интерпретации // История государства и права. — 2019. — № 3. — С. 44–49.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989.
3. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 95–109.
4. Еремин А. В. Государственно-церковное взаимодействие в постсоветской России: культурный опыт: автореф. дис. ... д-ра культурологии. — Саранск: Изд-во Ярославского государственного педагогического ун-та, 2016.
5. Меньшикова Н. С. Государство и русская православная церковь: формирование новой модели партнерских взаимоотношений // Человек и закон. — 2015. — № 3. — С. 25–32.
6. Миронова О. А. Основные исторические этапы развития взаимоотношений государства и православной церкви // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 8 (87).
7. Brugger W. From Hostility through Recognition to Identification: State-Church Models and their Relationship to Freedom of Religion // Secularization and the World Religions / ed. by H. Joas, K. Wiegandt, trans. by A. Skinner. — Liverpool: Liverpool University Press, 2009. — P. 160–180.
8. Brugger W. Separation, Equality, Nearness: Three Church-State Models // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de sémiotique juridique. — 2012. — Vol 25, N2.
9. Civilisations, states, and world order: Where are we? Where are we heading? A DOC Research Institute report for Rhodes Forum / ed. by R. Higgott and al. — Berlin, 2019.
10. Mettan G. Russie-Occident. Une guerre de mille ans. La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne. Pourquoi nous aimons tant détester la Russie. Genève, 2015.
11. Sandberg R., Doe N. Church-State Relations in Europe // Religion Compass. — 2007. — Vol. 1, N5. — P. 561–578.
12. Separation of Church and State: Founding Principle of Religious Liberty / ed. by F. Lambert. — Macon, GA: Mercer University Press, 2014.
13. Wanner C. Southern Challenges to Eastern Christianity: Pressures to Reform the State-Church Model // Journal of Church and State. — 2010. — Vol. 52, N4. — P. 644–661.